ЗАМЕТКИ МОЛОДЫХ ИСТОРИКОВ

О.А. Чирова

РАБОТА ЮРИСТОВ-ЭМИГРАНТОВ В ОБЛАСТИ КОММЕРЧЕСКОГО ПРАВА (20-е гг.)

Особый интерес в деятельности русских юристов в эмиграции представляет решение ими комплекса проблем, связанных с коммерческим правом и возникших при восстановлении российскими акционерными обществами своего юридического бытия за границей после декрета Совнаркома об их национализации. Возникшая в западноевропейских странах в начале 20-х гг. ситуация являлась беспрецедентной в практике мировой юриспруденции и, помимо чисто теоретического интереса, имела жизненно важное значение для судеб многих тысяч российских эмигрантов из предпринимательской среды.

Попытка найти решение названной проблемы была предпринята в начале октября 1922 г. «Союзом русской присяжной адвокатуры в Германии». По его инициативе в Берлине состоялся Съезд русских юристов[1], на котором были проанализированы правовое положение российских беженцев и законотворчество в Советской России, а также предпринята попытка наметить пути выхода из того сложнейшего положения, в котором оказались русские акционерные общества после 1917 г. за границей. Для оказания практической правовой помощи и поддержки эмигрантам было сформировано Центральное бюро Съезда русских юристов с местом пребывания в Париже. Однако своего предназначения бюро выполнить не смогло. Во-первых, из-за отсутствия законодательной базы для реализации права преемственности российских фирм до и после 1917 г., что не позволило решить такие задачи, как снятие секвестра с их имущества и капиталов, находившихся за границей. Во-вторых, противодействие в судах, с одной стороны, представителей Советского государства при попытках конфисковать это имущество, а с другой стороны – иностранных банков, не желавших возвращать находившиеся на их счетах «русские» деньги.

Отсутствие названного правового механизма повлекло за собой возникновение целой серии судебных процессов, связанных с отстаиванием российскими акционерными обществами своих имущественных прав. Одновре-

менно этот вопрос продолжал разрабатываться на теоретическом уровне ведущими российскими юристами-эмигрантами: В.С. Манделем, Г.Я. Перским, М.С. Маргулиесом и другими.

Между российскими и иностранными акционерными обществами до 1917 г. существовало принципиальное отличие. В России они получали право на существование и деятельность после утверждения правительством устава акционерного общества в каждом конкретном случае, т.е. в концессионном порядке. По законодательствам других стран, коммерческие организации учреждались в регистрационном порядке, но и в том и в другом случае их возникновение, деятельность и ликвидация проходили в границах национальных правовых норм. Любое коммерческое предприятие могло развивать свою деятельность только так и в тех пределах, как это регламентировалось в государственных законодательных актах или уставе самого предприятия. И так как все акционерные общества осуществляли свою текущую деятельность посредством выборных органов, главным из которых являлось общее собрание акционеров, а руководящим исполнительным — правление, избиравшееся общим собранием и получавшее от него полномочия, то невозможность по каким-либо причинам провести такое собрание означала для предприятия замораживание либо полное прекращение деятельности.

Подобные нормы нашли отражение не только в российском, но и во всех других законодательствах. Так, ст. 77 Швейцарского гражданского уложения от 10 декабря 1907 г. гласила, что ликвидация юридического лица происходит в силу закона как тогда, когда общество становится несостоятельным, так и тогда, когда правление не может быть назначено в соответствии с требованиями устава акционерного общества.[2] Германское Гражданское уложение признавало за юридическими лицами право производить операции в стране только в том случае, если они получали от правительства особую концессию или организовывались в пределах данного государства согласно общим законоположениям, определявшим порядок учреждения и деятельности юридического лица в стране.[3]

Из этой юридической ситуации логически вытекало, что ни одно российское акционерное общество, вынужденное перенести свою деятельность за границу даже вследствие обстоятельств непреодолимой силы на родине, не могло рассчитывать на признание своих прав и ведение операций в странах пребывания без получения официальной легализации. Такая ситуация имела бы место и в том случае, если русскому акционерному обществу удалось эмигрировать из России с полным представительством: общим собранием акционеров и правлением. Тем более неизбежным становилось такое развитие событий при реальном положении дел, когда большинство акционеров российских фирм оставалось в России и состав правлений оказывался далеко не полным. Положение усугублялось нежеланием национальных правительств заниматься вопросом легализации русских предпринимательских структур, оказавшихся в эмиграции.

Причины такой политики вполне понятны. Протекционизм по отношению к национальным коммерческим предприятиям всегда являлся одним из главных направлений внутренней политики любого государства. Поэтому защита прав прибывших из России конкурентов никоим образом не входила в планы европейских правительств. В условиях же непризнания Советского правительства «де юре» существовала вероятность, что капиталы и имущество российских предприятий останутся в распоряжении национальных государственных и коммерческих структур. Только в одном из наиболее близких к России государств - Эстонии, - где имелось много фабрик и недвижимости, принадлежавших русским акционерным обществам, правительство урегулировало этот вопрос временным постановлением от 27 октября 1920 г.

Содержание его было следующим: «Русским акционерным обществам, которым принадлежат в пределах Эстонии предприятия или имущества, и имеющие домицилиум вне Эстонии, вправе созвать общие собрания акционеров как в Ревеле, или других городах Эстонии, так и вне пределов Эстонии, в тех городах, где имеется эстонский представитель, хотя бы по уставу было постановлено иначе. О созыве общего собрания должно быть уведомлено эстонское Министерство торговли и промышленности или местный представитель Эстонии, причем последний вправе принимать участие в сопряженных с созывом собрания предварительных работах, а равно и в самом общем собрании ради контроля. Постановления таких общих собраний, поскольку они касаются находящихся в пределах Эстонии предприятий, вступают в силу лишь по утверждении их эстонским министром торговли и промышленности. Если он не находит возможным утвердить эти постановления, то дело окончательно решается правительством Эстонской республики… Общее собрание созывается правлением общества с исполнением всех требований устава…, причем лица, не имеющие возможности представить свои акции общему собранию…, могут удостоверить свои права на таковые всеми имеющимися в их распоряжении средствами. Созванное общее собрание должно разрешить вопрос о регистрации общества в судебных установлениях Эстонии; ему подлежит рассмотрение и утверждение отчетов и балансов, выборы членов правления, совета и ревизионной комиссии и ведение текущих дел…»[4]

Процитированный документ показывает, насколько было легко в законодательном порядке урегулировать правовое положение русских акционерных обществ за границей, но для этого требовалось обращение правления к национальному правительству. Однако фактов подобного рода в источниках обнаружить не удалось, и этому есть свое объяснение. Русские фирмы, оказавшись за пределами России, стремились владеть и пользоваться своим имуществом как можно «тише», не привлекая к своей деятельности внимания властей из-за боязни возможных запретов, пребывая хотя и в неопределенности, зато и в «не в запрете». С другой стороны, правления русских акционерных обществ зачастую оказывались в уникально выгодном положении в том

смысле, что они получали возможность практически бесконтрольно распоряжаться находившимися за границей имуществом и капиталами своих акционеров, пребывая в полной уверенности, что отчет за свои действия давать не придется.

Из вышесказанного неопровержимо следовали выводы, сформулированные В.С. Манделем в докладе «Русские акционерные общества в эмиграции»: «1. Существование и деятельность юридических лиц и, в частности, акционерных обществ в эмиграции, представляется юридически немыслимым… 2. Выбывшие из России и прибывшие в другие страны лица, входившие в состав правлений и других органов русских АО, не могут считаться правомочными представителями этих обществ за границей… 3. Имущество акционерных обществ, находящееся за границей, должно быть передано в собственность отдельных физических лиц — кредиторов и акционеров означенных обществ…»[5]

Такая трактовка ситуации, естественно, не могла устроить русские предпринимательские круги. Поэтому в образованное при «Российском финансово-торгово-промышленном союзе» Бюро защиты прав русских граждан поступил целый ряд запросов и обращений касательно толкования юридических проблем русского бизнеса. Бюро предоставило, по мнению большинства русских юристов, непрофессиональное и неграмотное заключение. Суть его сводилась к следующему. Вопросы, возникшие в результате деятельности русских акционерных обществ за границей после 1917 г., могут быть разрешены лишь путем применения общих правовых начал, так как ни в русском, ни в иностранных законодательствах нельзя найти прямого ответа на них. Из названных общих правовых начал Бюро защиты прав русских граждан приняло к руководству три: 1. принцип невозможности требования неисполнимого, 2. принцип непреодолимой силы (force majeure) и 3. принцип добросовестного отношения доброго хозяина (начало, перешедшее из римского права во все европейские законодательства).[6]

Ссылаясь на эти положения, Бюро защиты прав русских граждан в своем заключении признавало возможным следующий путь: 1. общие собрания акционеров за границей заменять частными совещаниями находящихся за границей «случайных» акционеров, 2. объявлять местонахождением правления не тот город в России, который указан в уставе, а тот за границей, где правление фактически находится, 3. признать, что правление является правомочным представителем акционерного общества и по истечении срока, на который оно было выбрано. Ни о сроках продления полномочий, ни о правах кредиторов и акционеров в заключении Бюро защиты не говорилось.

Этот документ был подвергнут русскими юристами резкой критике. Так, В.С. Мандель высказал мнение, что первый сформулированный Бюро защиты принцип, «напоминающий знаменитый афоризм Козьмы Пруткова — «нельзя объять необъятное» — вовсе не есть юридический принцип, а, наоборот, отрицание правовых норм». Действительно, согласно этому принци-

пу, любую юридическую норму можно было бы отвергнуть путем ссылки на ее невыполнимость. Одновременно второй принцип — force majeure (непреодолимая сила), - может освобождать от исполнения договора, но не может ни отменять требования закона, ни тем более наделять законной силой некое юридическое лицо, не отвечавшее законным признакам такого лица. Точно так же не могла быть юридически грамотной и законной замена «частными совещаниями» общего собрания акционеров.

Оправданием юристов Бюро защиты, составившими подобный документ, могут быть несколько причин. Одна из них — очень долго существовавшая в среде эмиграции надежда, что в России «максимум через два месяца» все вернется «на круги своя», эмиграция лишь временное явление и падение большевистской власти неизбежно.[7] Бывали случаи, когда русские банки и фирмы за границей заключали контракты и выдавали кредиты под обеспечение предприятий и недвижимости в России, пребывая в полной уверенности скорого возвращения и надежности предложенного обеспечения. С другой стороны, на решения Бюро защиты повлияла постоянная угроза, исходившая со стороны Советской России и выражавшаяся в попытках конфисковать заграничное имущество русских акционерных обществ, что было бы намного проще в случае его бесхозности. Кроме того, предложенная схема вполне могла бы оказаться работоспособной, что уже было немаловажно, хотя и не законной. К тому же беспрецедентность самого юридического вопроса была чревата ошибками в его трактовке.

Не избежали их и иностранные суды, принимавшие решения по делам русских акционерных обществ. Так, например, в нашумевшем в тот период деле некоего Власто против Совета Русско-Азиатского банка о неправомочности назначения его, Власто, и других лиц членами правления этого банка. Коммерческий суд Сенского департамента решением от 20 апреля 1920 г. признал за Советом банка, находившимся в Париже, право, в нарушение устава банка, командировать четырех своих членов в состав правления и мотивировать это нарушение ссылкой на «обстоятельства непреодолимой силы», выразившиеся в невозможности исполнить положения устава в связи с большевистским переворотом. Отсутствие русского министра финансов, который, согласно уставу, должен был бы дать разрешение на такое откомандирование, и невозможность созыва общего собрания акционеров для выборов членов правления, давали, по мнению суда, право применить к создавшемуся положению параграф 31 устава, предусматривавший командирование членов Совета в правление лишь в случае *временного* отсутствия его членов.[8]

Другим подобным примером может послужить решение того же трибунала от 20 мая 1921 г. по иску Хорона к Русскому торгово-промышленному банку. В этом деле истцу была присуждена требовавшаяся им сумма по чекам, подписанным, вопреки уставу банка, только одним действительно выбранным членом правления и двумя кооптированными правле-

нием лицами. Здесь суд также оправдал нарушение устава большевистским переворотом как непреодолимой силой.

Представители российской юридической школы не могли смириться с тем, что буква закона трактуется таким произвольным образом. Они опасались, что ссылки на большевистский переворот как на форс-мажорные обстоятельства могут стать удобным поводом для неисполнения коммерческими партнерами своих обязательств друг перед другом. Без всякого сомнения, такие рассуждения были справедливы. Однако тот правовой тупик, в котором оказались русские акционерные общества в эмиграции, не мог быть разрешен традиционными методами, в то время как судебные решения, подобные приведенным выше, создавали условия для дальнейшей деятельности русских коммерческих организаций.

«Полоса признаний» западными державами СССР создала в международной правовой практике новый комплекс неразрешенных проблем. В этот период в Западной Европе начала проявляться активность советских и просоветски настроенных юристов, направленная на завладение собственностью и капиталами российских акционерных обществ. По этой причине деятельность русских юристов-теоретиков права была посвящена полемике по вопросу: «Имеет ли право Советская Россия, вследствие декрета о национализации акционерных обществ, на собственность этих обществ за границей?»

Политико-экономический фон в Европе благоприятствовал советскому правительству в разгоревшейся полемике. Иностранная буржуазия стремилась любыми способами отыграться в России за все убытки, причиненные ей войной и революцией, и по этой причине «подталкивала» национальные правительства на установление экономических и политических отношений с большевиками. Советская власть также была крайне заинтересована в развитии внешней торговли, предоставляя режим наибольшего благоприятствования, вплоть до демпинга, всем желавшим такую торговлю поддерживать. Подобное взаимное стремление вынуждало западные правительства, тщательно соблюдая внешнее неприятие идеологии большевистского режима, идти на определенные уступки и встречные шаги. Более того, русские юристы в эмиграции, выступавшие с критикой советского строя и его законов, начали восприниматься как создатели помех на пути к наживе и стали встречать недоверие, переходившее порой в открытую озлобленность.[9] Именно этими причинами, думается, можно объяснить судебные прецеденты, имевшие место в ряде европейских стран по имущественным делам русских граждан и юридических лиц в эмиграции.

Первым подобным прецедентом стало решение английского апелляционного суда по делу о так называемой «Лютеровской фанере» — имуществе русского акционерного общества, действовавшего до 1919 г. в Старой Руссе. В 1919 г. фирма была национализирована Советской властью, а находившийся на складах товар с фирменным клеймом производителя при посредничестве Красина был продан английскому торговому дому «Джеймс Сэгор».

По прибытии фанеры в Англию на всю партию товара был наложен арест, и суд первой инстанции признал права акционерного общества на него. Последующие решения английской судебной власти, по определению В.С. Манделя, «опозорили стоявший до тех пор в общественном мнении на недосягаемой высоте английский суд». Действительно, впервые судебный орган в своем решении руководствовался не национальными или международными правовыми нормами, а текстом торгового договора между Советской Россией и Великобританией. Материалы дела содержали удивительные по своей вольности трактовки правовых норм.

Но широкий общественный резонанс это судебное разбирательство получило по другой причине: впервые так откровенно был продемонстрирован приоритет политических интересов над законом. Так, по инициативе истца на имя Керзона был направлен запрос с просьбой дать определение, с какого момента и какую власть в России надлежит считать «суверенной». Присланный ответ звучал невероятно: «До 13 декабря 1917 г. заседание Учредительного Собрания, *разогнанное* в этот день “Советом”, к которому и перешла, таким образом, *суверенная власть*».[10] (*Курсив наш. – О.Ч.*). Более того, в судебном решении содержался довольно циничный комментарий о неприменимости созданного прецедента к имуществу английских граждан.[11] А далее следовало издевательское рассуждение одного из членов суда о том, что «…отдача личной собственности государству, как представителю совокупности граждан, есть лучшая форма проявления права собственности».[12]

Символическую точку в судебных спорах поставил швейцарский Союзный суд в решении от 10 декабря 1924 г. по делу Петроградского Международного банка с неким Гауснером. Суд признал, что женевское отделение этого банка не может предъявить иска от имени последнего, так как акционерное общество Петроградского Международного банка в России фактически (хотя и вследствие декрета непризнанного Швейцарией Советского правительства) прекратило свое существование.[13]

Вскоре последовало и теоретическое обоснование такой судебной политики. В сентябре 1925 г. немецким доктором права П. Волем была опубликована статья, посвященная декрету Советской власти о национализации акционерных обществ и международным правовым последствиям этого законодательного акта. Доктор Воль отстаивал положение о праве Советского правительства на заграничное имущество русских акционерных обществ. Свои выводы он строил на заключении французского ученого Пиле о том, что «закон, вызванный чисто политическими мотивами, не может в чем-либо проявить своего действия за границей». Идя от противного, доктор Воль пытался доказать, что декреты Советской власти чисто политического характера не имели, а преследовали цель «осуществления социалистической программы», изданы были в связи с Гражданской войной и бойкотом по «хозяйственным соображениям», и по этим причинам, не являясь политическими актами, вполне распространимы на имущество русских акционерных обществ в

эмиграции.[14] Решающим доводом доктора Воля в пользу Советского правительства стало соображение, что если не этому правительству, то некому больше вообще отдать имущество русских акционерных обществ, находившееся за границей.

Ответом на подобную интерпретацию международного права послужила жесткая полемическая статья В.С. Манделя «Русские акционерные общества в эмиграции», в короткий срок ставшая известной во всех русских колониях Европы. В ней юрист сформулировал основные принципы правового противодействия попыткам конфискации, секвестра и иных способов «отъема денег» у русских организаций в эмиграции. В числе прочего, Манделем были названы такие способы, как создание общественных объединений кредиторов и акционеров русских фирм с целью давления на общественное мнение и правительственные структуры стран пребывания, судебные иски к иностранным банкам, задерживавшим деньги российских акционерных обществ и т.д. Но главная рекомендация — активная жизненная позиция и решительные действия, направленные на защиту собственных интересов со стороны всех слоев эмигрантского сообщества.[15]

Итоги деятельности русских юристов в области коммерческого права в Западной Европе имеют весомое теоретическое значение. Беспрецедентность самого вопроса потребовала тщательного анализа всех историко-правовых аспектов в развитии коммерческих законодательств западноевропейских государств. Русским юристам пришлось практически создавать заново целый ряд правовых норм, касавшихся деятельности акционерных обществ в эмиграции. Именно в области коммерческого права деятельность российской адвокатуры была наиболее заметна в 20-е гг. Она имела серьезное значение для восстановления русскими фирмами своего юридического бытия за границей, способствовала минимизации их потерь от действий государственных органов и коммерческих организаций в период признания Советской власти европейскими странами.

Не менее важны были и политические аспекты деятельности русских юристов. Их активное правовое противодействие попыткам советских властей получить доступ к имуществам и капиталам российских акционерных обществ за границей привлекало внимание западноевропейской общественности к проблемам эмиграции. Одновременно оно явилось действенным рычагом политической борьбы.

Наконец, частная деятельность русской адвокатуры в эмиграции в роли юрисконсультов российских акционерных обществ способствовала развитию их деятельности за границей на принципиально новых правовых началах в новых социально-экономических условиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

[1] ГА РФ.Ф.5923.Оп.1.Д.2.Л.85.
[2] Там же.Л.87.
[3] Там же.Д.4.Л.14 об.
[4] ГА РФ.Ф.5769.Оп.2.Д.5.Л.8.
[5] Там же.Л.29.
[6] Там же.Л.10.
[7] Тэффи Н.А. Собр. соч.М.,1997.Т.2.С.17.
[8] ГА РФ.Ф.5769.Оп.2.Д.5.Л.12.
[9] ГА РФ.Ф.5769.Оп.1.Д.5.Л.2.
[10] Руль (Берлин).1921.19 мая.
[11] ГА РФ.Ф.5769.Оп.2.Д.5.Л.3.
[12] Руль (Берлин).1921.19 мая.
[13] ГА РФ.Ф.5769.Оп.1.Д.5.Л.13.
[14] Там же.Л.24.
[15] Там же.Л.26.